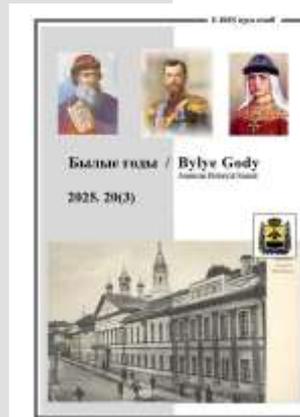

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1307-1319
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1307

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Social and Ethnic Composition of the Population Resettled to Turkestan from the Russian Empire

Sherbek T. Ravshanov ^a, Olimjon J. Irisqulov ^a, Rustam D. Yuldashev ^a, Azizbek A. Ungalov ^{a, *}

^aSamarkand State University, Republic of Uzbekistan

Abstract

As a result of the gradual conquest of Central Asian territories by the Russian Empire at the end of the 19th century, the Imperial government undertook systematic measures to resettle and accommodate European populations from the central and western gubernias of the Empire into the newly acquired territories. Individuals representing various social groups, including military personnel, peasants, workers, and other occupational categories, were involved in these resettlement processes. The ethnic composition of the migrants was equally diverse, encompassing representatives of numerous nationalities and ethnic groups. Upon their relocation to Turkestan, these settlers were compelled to adapt to unfamiliar conditions, including the climate, interactions and cooperation with the indigenous population, diverse religious beliefs, and the peculiarities of irrigated agriculture. Members of various ethnic groups, originating from different regions, had to establish friendly neighborly relations and cooperate closely with local communities. This article provides a scholarly analysis of the lifestyle, social characteristics, and ethnic composition of populations relocated from various regions of the Russian Empire to Turkestan.

The findings of the research reveal that from the earliest stages of the Russian Empire's penetration into the region, people of various ethnic backgrounds, nationalities, and religious beliefs entered Turkestan under the collective name of “Russian”. Although restrictive measures were applied towards specific national and religious groups, representatives of diverse ethnicities and religions continued to settle in the region, especially if their presence served imperial interests or contributed to mitigating social tensions within the central gubernias.

Keywords: Turkestan, Russian Empire, Tashkent, K.P. Kaufman, Russians, Tatars, Kazakhs, Germans, Poles, resettlement.

1. Введение

В настоящее время возрастает научный интерес к изучению политической стратегии Российской империи в Туркестане, её административной системы, переселенческой политики и социальной жизни переселённых народов. Особое внимание уделяется таким вопросам, как социально-культурная адаптация переселенцев в регионе, их восприятие и интеграция местным населением, а также выявлению категорий населения, преимущественно переселяемых государством, и определению политических целей, преследуемых колониальной администрацией при проведении имперской политики. В то же время остаются актуальными вопросы, касающиеся образа жизни переселённых из различных регионов империи жителей, системы их образования, этнического и религиозного состава, а также характера их взаимодействия с местным населением.

* Corresponding author

E-mail addresses: azizbek.ungalov11111@gmail.com (A.A. Ungalov),
sherbek.ravshanov111@mail.ru (Sh.T. Ravshanov), irisqulov2022@gmail.com (O.J. Irisqulov),
rustamyuldashev361978@gmail.com (R.D. Yuldashev)

2. Материалы и методы

В целях объективного исследования социального и этнического состава населения, переселённого из Российской империи в Туркестанский край в конце XIX – начале XX века, были привлечены источники разных периодов. В частности, использовались архивные материалы Национального архива Республики Узбекистан (НАУз) (Ташкент, Республика Узбекистан): Ф. И-3 «Политическое агентство Российской империи в Бухаре», Ф. И-5 «Канцелярия начальника Зеравшанского округа», Ф. И-7 «Управление земледелия и государственных имуществ Туркестанского края», Ф. И-36 «Управление начальника города Ташкента», Ф. И-163 «Заведующий по устройству переселенческого населения в Ферганской области, Администрация по сельскому хозяйству и поземельным сборам Ферганской области, Управление города Скобелева», Ф. И-717 «Журналы заседаний Совета Туркестанского генерал-губернаторства».

Кроме того, были использованы материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., LXXXIII, Самаркандская область ([Первая всеобщая..., 1905](#)), а также материалы Всероссийских переписей 1920 года (Перепись населения в Туркестанской республике. Часть I. Выпуск III. Поселенные итоги по Сыр-Дарьинской области. Ташкент, ЦСУ Туркеспублики, 1923) ([Материалы..., 1923](#)). Результаты переписей населения являются важным источником, обеспечивающим точные цифровые данные и позволяющим чётко обозначить исследуемый период.

Важную роль в раскрытии хронологической последовательности и статистических аспектов переселения также сыграли публикации в газете «Московские ведомости» ([Московские ведомости, 1911](#)) и отчётные документы, подготовленные военными чиновниками Российской империи.

Методология данного исследования включает комплекс исторических и общенаучных методов и принципов исследования. В процессе изучения проблемы архивные материалы, периодическая печать, военные отчёты и результаты переписей населения выступили в качестве первичных источников. В ходе исследования были применены традиционные методы сравнительного и аналитического анализа указанных первичных источников и привлечённой литературы, что позволило всесторонне, объективно и достоверно осветить поставленную проблему.

3. Обсуждение

Для глубокого изучения проблемы социального и этнического состава населения, переселённого из Российской империи в Туркестан, необходимо выделить три этапа:

1. На данном этапе важное значение для изучения социальных и этнических характеристик населения имеют исследования, проведённые непосредственно в изучаемый период на основе наблюдений за процессами переселения и социально-экономическим положением переселенцев. К таким работам относится труд экономиста-статистика А.А. Кауфмана «Переселение и колонизация» ([Кауфман, 1905](#)).

2. Работы советского периода, созданные под влиянием коммунистической идеологии. К их числу относятся исследования П.Н. Шаровой «Переселенческая политика царизма в Средней Азии» ([Шарова, 1940](#)), П.А. Шмачкова «Крестьянское переселение в Туркестан (1867–1917 гг.)» ([Шмачков, 1962](#)) и А.И. Гинзбурга «Русское население в Туркестане» ([Гинзбург, 1991](#)).

3. Исследования, выполненные местными и зарубежными учёными после 1991 года, когда республики получили национальную независимость. Среди таких трудов можно выделить работы о ведущих социальных слоях в Российской империи в начале XIX века Б.Н. Миронова ([Миронов, 2014](#)), о мероприятиях, осуществлённых в рамках политики переселения Ш.С. Гаффорова ([Гаффоров, 2006](#)), о казачьих военных посёлках С.Б. Брежневой ([Брежнева, 2018](#)), о проблемах, связанных с обеспечением переселенцев земельными участками И.В. Чиброва ([Чибров, 2014](#)), о проблемах самовольных переселенцев О.Г. Пуговкиной ([Пуговкина, 2018](#)), о проблемных взаимоотношениях между переселенческим населением и имперской администрацией Т.В. Котюковой ([Котюкова, 2016](#)), о реформах в области переселения и социальных слоях общества Ш.Т. Равшанова ([Равшанов, 2023](#); [Равшанов, 2023](#)), о взаимных отношениях между различными этносами и их этнических особенностях О.И. Брусиной ([Брусиная, 2001](#)) и «Этнический атлас Узбекистана» ([Этнический атлас..., 2002](#)), об уровне социального положения переселенцев, прибывших в Ташкент Jeff Sahadeo ([Sahadeo, 2007](#)) и коллективный труд «Центральная Азия в составе Российской империи» ([Центральная Азия, 2008](#)), об условиях жизни и социально-экономических проблемах военных казаков в Туркестане В.Г. Германова ([Германов, 2009](#)), о взаимодействии различных религиозных конфессий и этнических групп среди переселенцев Ю.Н. Цыряпкиной ([Цыряпкина, 2016](#)), об условиях жизни переселенцев в Сырдарьинской области Н.Ж. Мирзаевой и М.А. Расуловой ([Мирзаева, Расулова, 2016](#)), об условиях жизни переселённых представителей немецкого, еврейского и армянского народов Д. Иноятовой ([Иноятова, 2009](#)), Л.Р. Гайсина ([Гайсин, 2012](#)), Б. Турсунова ([Турсунов, 1999](#)) и Р.Г. Назаряна ([Назарян, 2007](#)). Научные исследования этих авторов содержат важные и актуальные сведения, выявленные на основе современных методологических подходов, о социальном и этническом составе переселенческого населения. Кроме того, эти публикации, созданные после 1991 года, являются новейшими исследованиями, которые на основе объективного подхода предоставляют информацию о социальной

истории, этническом составе, культуре, обычаях, образовании, религиозных верованиях и взаимодействии с местным населением людей, переселившихся из Российской империи в Туркестан.

4. Результаты

В начале XIX века в Российской империи существовали четыре основных социальных слоя: дворянство, духовенство, военные и крестьянство. Вследствие обострения политической ситуации, репрессивных мер и проведения аграрных реформ численность дворянского и духовного сословий постепенно сокращалась, что, в свою очередь, способствовало резкому увеличению численности военных и крестьян (Миронов, 2014: 443). Основными субъектами переселенческой политики Российской империи в Туркестанском крае являлись именно военные и крестьяне. Первоначальной целью первого Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана было переселение в край бывших военнослужащих и крестьян.

Как отмечалось выше, в конце XIX века переселение и размещение населения в Туркестане не регулировалось строго действовавшим в империи законодательством. Хотя согласно принятым законам Туркестанский край формально считался закрытым для переселенцев, на практике в тех же нормативных актах содержались исключения. Например, согласно Положению 1886 года, право на переселение в край предоставлялось исключительно православному населению. Кроме того, местные военные администраторы, офицеры и солдаты, проходившие службу в структурах военного министерства, после её окончания имели право остаться в крае. Этим правом пользовались также бывшие военнослужащие из других регионов империи (Котюкова, 2016: 58).

Первыми русскими поселенцами на территории Семиречья были военные казаки из Сибири. Казаки, переселённые с Урала и Западной Сибири, размещались на территории Семиречья и в районе озера Иссык-Куль, недалеко от границы с Китаем (Гаффоров, 2006: 108). С 1847 по 1867 год здесь было организовано 14 казачьих станиц с населением около 15 тысяч человек. С 1872 года их количество начало резко возрастать, и к 1882 году в Семиречье уже насчитывалось 60 поселений, из которых 31 были крестьянскими (Кауфман, 1905: 160-161), а 29 – казачьими станицами с населением около 25 тысяч человек (Брежнева, 2018: 614). Кроме того, к началу XX века вновь усилился поток самовольных переселенцев, временно сократившийся ранее. По официальным данным, свыше 16 тысяч человек ожидали размещения на территории Семиречья (Кауфман, 1905: 161). Подобная ситуация была закономерной, поскольку после создания Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 году его первый руководитель К.П. фон Кауфман, регулируя процессы переселения в центральные районы края, запретил размещение там казаков, разрешив переселение лишь лицам русской национальности. В результате казаки были вынуждены осесть в Семиречье, Прикаспийских регионах, а позже – в районе Аральского моря (Гинзбург, 1991: 28).

Во второй половине XIX века в Туркестан активно начали переселяться представители различных социальных слоёв и национальностей из разных регионов Российской империи, в том числе русские, украинцы, белорусы, татары, немцы, поляки, армяне и другие народы. Русская диаспора сформировалась также на территориях Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Представители этих групп населения прибывали сюда преимущественно в связи с развитием железнодорожного строительства и основанием русских городов (Каган, Чарджуй), не имеющих непосредственного отношения к земледелию (Котюкова, 2016: 53-54).

В результате миграционной политики Российской империи в Туркестане постепенно формировался особый социальный и этнический состав населения. Первыми переселенцами, прибывшими в регион, были военные, связанные с колонизацией края. В свою очередь, сами военные подразделялись на две основные категории. Первая группа была представлена военнослужащими регулярной армии империи, принадлежавшими к русской национальности (русские, украинцы, белорусы, немцы, поляки и др.). Представители этой группы практически не имели ограничений на проживание и обладали значительными привилегиями в местах расселения. Вторая группа состояла из казаков, выполнявших функции военной защиты и освоения новых территорий на окраинах империи. Наибольшее число казачьих переселенцев было отмечено в Семиречье (Равшанов, 2023а: 105).

Период 1874–1890 годов можно условно назвать первым этапом переселения русских крестьян в Туркестан. Вторым этапом приходится на 1891–1892 годы и связан с массовым голодом, вызванным засухой в центральных губерниях России. В этот период российское правительство уже не могло эффективно контролировать миграционные процессы, вследствие чего в Туркестане одновременно появилось до 20 новых русских крестьянских поселений. Если анализировать социальный состав крестьян, переселившихся в эти два периода, то с 1874 года прибывали преимущественно крестьяне среднего достатка, а начиная с 1891 года переселялись бедные крестьяне, находившиеся в крайне тяжёлом экономическом положении и неспособные представлять русскую колониальную культуру перед местным населением. Значительная часть этих крестьян была отнесена к категории самовольных переселенцев, прибывших без официального разрешения (Шмачков, 1962: 6-8).

Ещё один мощный поток крестьян-переселенцев в Туркестан был связан с проведением Столыпинской аграрной реформы в России и наблюдался в 1906–1910 годах. Главной целью столыпинской реформы являлось устранение последствий революции 1905 года путём переселения

значительной части крестьянского населения из центральных губерний за Урал, в азиатские регионы империи, включая земли Туркестана. Это, в свою очередь, привело к увеличению числа самовольных переселенцев и попыткам придать стихийным процессам законный характер без учёта интересов и положения местного населения (Равшанов, 2023: 46-47).

С целью упорядочения процессов самовольного переселения, 13 июля 1889 года правительство Российской империи издало закон «О добровольном переселении сельского и мещанского населения на государственные запасные земли и о регистрации собственности ранее переселившихся лиц». Данный нормативный акт определял правовой статус самовольно переселившихся на новые территории лиц. Закон предусматривал дальнейший запрет на самовольное переселение и устанавливал административный порядок возвращения самовольных переселенцев на прежнее место жительства. Правительство тем самым продолжало борьбу с несанкционированной миграцией. В то же время этот закон предоставлял ряд льгот для лиц, желавших переселиться в Туркестан или другие регионы, в частности, право на законную продажу имущества по прежнему месту проживания и освобождение от уплаты налогов и воинской повинности в течение трёх лет на новом месте. Однако подобные меры не только не упорядочили миграционные процессы, но, напротив, способствовали росту стихийного переселения, поскольку правительственные структуры не могли эффективно контролировать усилившийся миграционный поток. Например, в период 1889–1891 годов официальное разрешение на переселение в Туркестан получили 17 289 семей, однако фактически переселились 28 911 семей. Таким образом, 40,2 % переселенцев оказались самовольными (Гинзбург, 1991: 21).

В начале XX века в Семиреченской области насчитывалось более 16 тысяч человек, ожидавших размещения после самовольного прибытия, а в трёх областях Туркестана (Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской) около 12 тысяч таких переселенцев ожидали выделения земель и возможности осесть (Чибров, 2014: 16). Число самовольных переселенцев росло с каждым годом. В 1906 году в Туркестанском крае (без учёта Семиречья) было зарегистрировано свыше 77 тысяч безземельных и неустроенных переселенцев из разных частей империи (Гинзбург, 1991: 40). Изначально переселенческие мероприятия империи были направлены на малозаселённые территории за Уралом – Сибирь, Степной край и Дальний Восток, однако переселенцы, не адаптировавшиеся к местным климатическим условиям, начали массово перемещаться в Туркестан. Их общее число превысило 100 тысяч человек (НАУз. Ф. И-717. Оп. 1. Д. 17. Л. 616).

Переселенцы, прибывавшие в Туркестан, независимо от того, имели ли они официальное разрешение или были самовольными, сталкивались со значительными трудностями. Во-первых, несмотря на то, что большая часть пригодных земель уже была освоена местным населением, проблема нехватки земель оставалась актуальной. Во-вторых, для освоения местных земель требовались особые навыки ведения искусственного орошения, которыми переселенцы не обладали, и это стало важной проблемой для прибывших (НАУз. Ф. И-717. Оп. 1. Д. 17. Л. 620). В-третьих, процедуры, разработанные колониальной администрацией для организации переселения, не соответствовали реальным условиям региона, и местные чиновники действовали по своему усмотрению. По этим причинам многие русские крестьяне, не получившие обещанных земель, были вынуждены возвращаться обратно в губернии своего исходного проживания.

Тяжёлое экономическое положение переселенцев усугублялось социально-медицинскими проблемами. В частности, в городах и сёлах они часто вынуждены были просить милостыню; кроме того, среди них распространялись инфекционные заболевания, особенно тиф, охвативший Андижанский и Ошский уезды Ферганской области (НАУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 5049. Л. 14). В связи с этим местные власти неоднократно отправляли в центральную администрацию запросы о необходимости временного прекращения переселенческого потока в Туркестан (НАУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 5049. Л. 15-26). Однако все эти меры не дали ожидаемого результата.

С 1 января по 1 декабря 1909 года по Ташкентской железной дороге в Туркестан прибыло 6508 самовольных переселенцев. Однако размещение вновь прибывших здесь являлось серьёзной проблемой. Недостаток свободных земель и отсутствие чётко организованных мероприятий по переселению значительно усугубляли положение переселенцев. Только за один 1909 год из числа прибывших 1249 человек были вынуждены вернуться обратно. С трудностями размещения сталкивались не только самовольные переселенцы, но и те, кто имел официальные разрешения (так называемые «переселенческие свидетельства»). Например, из 1086 русских крестьян, прибывших на станцию Арыс в 1913 году, 704 человека, не сумев устроиться на новом месте, были вынуждены вернуться обратно (Гинзбург, 1991: 44).

Таким образом, в период 1905-1911 годов ежегодно от 10 до 36 % переселенцев возвращались назад (Пуговкина, 2018: 98). В частности, из 665 тысяч переселенцев, прибывших в 1908 году, вернулось 6 %; из 619 тысяч в 1909 году – 13 %; из 316 тысяч в 1910 году – 36 %; а из 183 тысяч в 1911 году – около 60 % (Шарова, 1940: 20). В Туркестанском крае этот показатель был ещё выше: в 1909 году обратно вернулся 21 % переселенцев, а в период 1911–1913 годов – от 81 % до 99 % прибывших (Шарова, 1940: 25). Это свидетельствует о том, что миграционная политика Российской империи в Туркестане не достигла поставленных целей. Особенно тяжёлые последствия эта политика

имела для крестьянского населения. Кроме того, неэффективное расходование государственных средств на реализацию переселенческих мероприятий стало одной из причин кризиса Российской империи.

Согласно Положению 1886 года, в Туркестанском крае был установлен порядок предоставления льгот для бывших военнослужащих. Размещение в крае отставных и резервных военных рассматривалось не только как желательное, но и как необходимое условие для укрепления колониальной системы управления. Перед ними стояла задача беспрепятственного проживания на территории Туркестана и укрепления интересов империи путём освоения местной среды, изучения особенностей региона и налаживания контактов с местным населением. В дальнейшем именно эта категория должна была сыграть ключевую роль в формировании крестьянского слоя, который предполагалось активно привлекать в регион в будущем. В связи с этим предусматривалось финансирование жилищных потребностей, компенсация расходов при переселении и возвращении обратно. Кроме того, низшие чины военных должны были быть готовы к срочной мобилизации в любой чрезвычайной ситуации. Учитывая недостаточные навыки бывших военных в области земледелия, ожидать от них значительных экономических результатов было бессмысленно. Однако в целях социальной поддержки им предоставлялись займы в размере 100 рублей. Права и льготы этой категории военнослужащих были закреплены в пунктах 280–284 Положения об управлении Туркестанским краем от 1886 года (НАУз. Ф. И-717. Оп.1. Д.17. Л. 617-618). В результате предоставленных льгот и привилегий земли, переданные в распоряжение бывших военных, постепенно превращались в ведущие хозяйства региона, а их владельцы со временем становились представителями местной администрации и контролирующими органами. В конечном итоге это привело к формированию в Туркестане нового класса кулаков (НАУз. Ф. И-717. Оп. 1. Д. 17. Л. 619).

Переселенцы, прибывшие в Туркестан из разных социальных слоёв и регионов империи, постепенно закрепились среди местного населения под названием «новые туркестанцы». Они вынуждены были адаптироваться к местным трудностям и мириться с ограниченным объёмом государственной поддержки.

Однако среди переселенцев было также немало тех, кто прибыл в Туркестан с иными целями: в погоне за богатством, высокими должностями и влиянием. Многие из них не достигли успеха, поскольку их подход к жизни в Туркестане был поверхностным и исключительно материальным (Котюкова, 2016: 55-56).

В целом, при реализации переселенческой политики в Туркестане российские власти преследовали две основные цели. Первая заключалась в решении острого социального вопроса в центральных губерниях путём выделения земли, принадлежавшей местному населению, малоземельным российским крестьянам. Вторая – в увеличении численности русской диаспоры в Туркестане и использовании её для удовлетворения экономических потребностей империи (Котюкова, 2016: 58-59).

Разумеется, важнейшим фактором, обусловившим миграционные процессы, было резкое обострение социально-экономической и политической ситуации в центральных губерниях Российской империи, побуждавшее русских крестьян переселяться в Туркестан в надежде получить землю. Основной поток переселенцев, по данным исследований, происходил из Воронежской, Смоленской, Саратовской, Орловской, Курской, Самарской, Пензенской, Киевской, Полтавской, Черниговской, Харьковской, Винницкой губерний, а также из областей расселения донских и оренбургских казаков, из уральских и сибирских регионов. Среди переселенцев, помимо русских, украинцев и немцев были также татары, мордва, марийцы и представители других народов Поволжья и Урала (Брусина, 2001: 27).

Однако подавляющее большинство переселенцев составляли именно русские (включая украинцев и белорусов). Хотя их проникновение в Туркестан началось гораздо раньше, основной поток относится к периоду после превращения региона в колонию Российской империи. В результате в период колонизации русские составили большинство населения в новых районах городов, таких как Ташкент, Самарканд, Чимкент, Аулие-Ата, Чарджуй, Ашхабад, Коканд, Андижан, Маргилан, Наманган, Джизак, Ходжент, Катта-Курган, Ура-Тюбе и др. В частности, в 1871 году население нового района Ташкента составляло 2073 человека, из них 1289 были русскими (включая украинцев и белорусов). Русские переселенцы, прибывавшие в городские центры Туркестана, происходили преимущественно из Воронежской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Харьковской, Оренбургской и Самарской губерний империи (Гайсин, 2012: 71). Согласно данным переписи 1897 года, численность русских в Туркестане составляла 197 тысяч человек (3,75 % от общего населения края), а на территории Бухарского эмирата и Хивинского ханства – 16 тысяч. Большинство русских проживало именно в городах (Этнический атлас..., 2002: 190).

Городское русское население было занято в промышленности, железнодорожном строительстве, горнодобывающей отрасли, строительстве, сфере услуг, административном управлении, военно-оборонной сфере, наёмном труде, мелких ремёслах и кустарных производствах. Значительная часть этого слоя состояла из рабочих, оставшихся без земель в результате аграрных реформ в России и прибывших в поисках заработка. Русские рабочие, мигрировавшие в Туркестан,

оседали в основном в Ташкенте и других крупных городах. Имперские власти уделяли им незначительное внимание, рассматривая преимущественно в качестве рабочей силы для строительства и эксплуатации железных дорог и организации поставок хлопкового сырья, то есть в рамках колониальной экономики (Sahadeo, 2007: 108).

Рассматривая особенности переселения казачества в Туркестан, представлявшего собой один из крупнейших социальных слоёв региона и известного своей военной деятельностью, следует отметить, что среди казаков были представители различных этнических групп. Помимо русских, сюда входили татары, башкиры, украинские казаки, казахи, калмыки, мишари (тюркоязычное татаризированное мусульманское население, проживавшее в среднем течении Волги и на Урале), туркмены и представители других этнических групп (Центральная Азия, 2008: 213).

В целом, появление и расселение казачества в Туркестанском крае было связано с созданием Амударьинского отдела после завоевания Хивинского ханства Российской империей в 1873 году. В пределах современной Республики Каракалпакстан и Хорезмской области переселение происходило в два этапа: в 1875 году были переселены уральские казаки-старообрядцы (старообрядчество – религиозно-общественное движение в России XVII века, объединявшее последователей старых церковных обрядов), а в 1877 году осуществилось второе переселение, уже вместе с их семьями. Основной причиной переселения уральских казаков-старообрядцев в Амударьинский и Приаральский регионы стали негативные действия Российской империи в отношении данного населения до конца XIX века. По мнению В.А. Германова, позитивные взаимоотношения между каракалпаками, хорезмийцами и казаками позволили последним успешно адаптироваться к новым условиям и наладить совместную деятельность в области рыболовного хозяйства и других отраслях (Германов, 2009: 130–133).

В начале XX века активизировались процессы переселения старообрядцев. Согласно информации, озвученной Переселенческим управлением на Всероссийском съезде старообрядцев, Главное управление землеустройства и земледелия гарантировало отсутствие препятствий для их переселения в Туркестан, Семиречье и Семипалатинскую область. В ответ на это старообрядцы направили своих представителей для проверки условий переселения в указанные регионы, а также обратились с прошением к Туркестанскому генерал-губернатору о возможности переселиться на территории Хивинского ханства. В свою очередь, канцелярия Туркестанского генерал-губернатора обратилась в военное министерство, сообщив об отсутствии препятствий к удовлетворению прошения старообрядцев и предоставила им определённую степень свободы и полномочий для переселения. Однако, как и у других переселенцев, старообрядцы столкнулись с серьёзной проблемой отсутствия навыков искусственного орошения, что приводило к низкому уровню развития их земельных хозяйств (Московские ведомости, 1911).

Основной причиной переселения старообрядцев в Туркестан являлось нежелание представителей данной религиозной группы признавать власть имперского правительства, а также их проживание на территории Румынии. Позднее, когда имперские власти начали принудительно мобилизовать старообрядцев в российскую армию, это стало дополнительным стимулом для переселения их в Туркестанский край (Московские ведомости, 1911).

Уральские казаки-старообрядцы, продолжавшие следовать своим религиозным убеждениям, в начале XX века расселились в таких центральных городах Туркестана, как Чиназ, Ташкент, Маргилан и других. Вплоть до революции 1917 года, подобно местному населению, они не были полноценно учтены в официальных переписях. Позднее, в 1981 году, потомки уральских казаков-старообрядцев были вынуждены покинуть территорию современной Каракалпакской Республики из-за резкого снижения уровня Аральского моря и переселиться в окрестности города Калач Волгоградской области Российской Федерации (Германов, 2009: 130–136).

Казачество присутствовало во всех крупных городах Туркестана, поскольку казаки выполняли функции основных военных сил и обеспечивали безопасность и оборону городов и прилегающих территорий. Например, согласно сведениям, предоставленным штабом охраны Туркестанского военного округа начальнику Зеравшанского округа генерал-майору А.К. Абрамову от 4 октября 1876 года, для постоянного проживания в «новом городе» Самарканда были переселены 245 уральских казаков. Также указано, что из Казалинска были переведены 277 человек, из Перовска – 76 человек, а из других фортов – 13 человек. Таким образом, из Сырдарьинской области в Самарканд всего переселилось 366 уральских казаков. Переселение осуществлялось также с целью обеспечения безопасности в городах Джизак и Пенджикент Самаркандского округа (НАУз. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 3288. Л. 6-8).

В Туркестане представители западноевропейских народов составляли меньшинство, однако среди них значительное место занимали немцы. Появление немцев в Центральной Азии было связано с военными действиями Российской империи в Туркестане в 1860-х годах. Основную часть немецких переселенцев составляли выходцы из прибалтийских губерний, немецких колоний Северного Кавказа и Саратовской губернии. С 1874 года количество немцев-меннонитов, отказывавшихся от несения обязательной воинской службы в Российской империи, значительно

возросло на территории Туркестана и Хивинского ханства. За последние двадцать лет XIX века в край переселилось свыше 500 меннонитских семей (Котюкова, 2016: 95).

Особенно заметно бесконтрольное переселение населения в Туркестан проявилось в период засухи 1891–1892 годов, охватившей центральные губернии империи. В эти годы увеличился поток не только православного населения, но и раскольников – представителей различных сект, выступавших против канонических правил православия. Это обстоятельство осложняло задачу размещения переселенцев, так как возникали сложности в поддержании социальной и религиозной стабильности между ними. Поэтому власти были вынуждены учитывать их религиозный состав, социальное происхождение и регион, из которого они прибыли (НАУз. Ф. И-717. Оп. 1. Д. 17. Л. 616).

Немецкое население стремилось сохранить свою идентичность и образовывало обособленные группы. Среди переселенцев встречались представители различных религиозных сект. Так, в Туркестане проживали молокане (христианская секта, распространённая среди русских), меннониты (протестанты, возникшие среди голландцев), баптисты (европейские протестанты, провозглашавшие «отказ от всех грехов»), сектанты (особые религиозные школы или партии в христианстве), субботичи (католики, фамилия южнославянского происхождения), хлысты (небольшая секта, не входившая в состав Русской православной церкви), адвентисты (протестантское течение, возникшее в США и проникшее в Россию в 1880-х годах) и немецко-лютеранские общины (НАУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 5221. Л. 70).

Немцы, несмотря на принадлежность к различным религиозным конфессиям, благодаря своим специфическим чертам, служили положительным религиозным и культурным примером для представителей русского населения. Например, немецкая община, проживавшая в городе Ташкенте и его окрестностях, в 1892 году активно поддерживала и оказывала спонсорскую помощь в строительстве жилья немецким переселенцам, прибывшим в посёлок Константиновск Ташкентского уезда. Между тем среди русских переселенцев подобная солидарность и взаимопомощь не получили широкого распространения. Отношения между русскими сохранялись преимущественно в рамках традиций, сложившихся ещё в губерниях их прежнего проживания (Цыряпкина, 2016: 185).

Хотя русская колониальная администрация не была заинтересована в переселении католического населения в Туркестан, она проявляла лояльность к немецким лютеранам. Баптисты же, в отличие от православных русских, не употребляли алкогольных напитков и табачных изделий и поддерживали хорошие отношения с местным населением, вследствие чего считались надёжной опорой при реализации переселенческой политики правительства. Так, первоначально на территории Мирзачуля возникли поселения «Верхний Волыньск», «Нижний Волыньск» и «Спасский», заселённые баптистами и молоканами, а посёлки «Конногвардейск», «Сырдарья» и «Велико-Алексеевский» были населены православными и сектантами. В отличие от местных православных переселенцев, баптисты прибыли в регион с собственными финансовыми ресурсами и смогли быстро наладить своё хозяйство, не обращаясь за материальной помощью к имперским властям. Несмотря на выделение не самых плодородных земель, они добились успехов в хозяйственной деятельности, занимаясь рыбным промыслом и животноводством, при этом проживали в гармонии друг с другом. Такие факторы, как отказ от алкоголя, табака и свинины, а также изучение местного языка, обеспечили им возможность устанавливать дружеские отношения с мусульманским населением, что существенно отличало их от православных поселенцев (Мирзаева, Расулова, 2016: 44-45).

Для того, чтобы подтвердить достоверность представленных выше сведений о взаимной солидарности немцев, стоит обратить внимание на период правления первого генерал-губернатора Туркестанского края К.П. фон Кауфмана, имевшего немецкие корни.

В письме военного губернатора Сырдарьинской области к ташкентскому градоначальнику от 1880 года, содержащем информацию о поселении немецких меннонитов (место жительства, земельные наделы, ссуды и список), сообщалось, что 500 человек (71 семья) поселившихся меннонитов были привлечены к уборке и благоустройству рынка города Ташкента, ремонту кровель и прочим хозяйственным работам. На обустройство жилья каждой семье была обещана сумма в размере 100 рублей, однако фактически выделено было лишь по 25 рублей (НАУз. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1778. Л. 1-2). В дальнейшем, к 1881 году, для 80 меннонитских семей, состоявших из бывших военнотружеников и военнотружеников в запасе, в Маровском участке Аулие-Атинского уезда было выделено 1040 десятин земли (НАУз. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1778. Л. 8). Кроме того, в 1881 году рассматривался вопрос о приёме на территорию Бухарского эмирата 60 меннонитских семей, проживавших на территории Хивинского ханства. Однако эмир не дал согласия на это, вследствие чего меннониты остались на территории Хивинского ханства при условии соблюдения местных правил и требований хана (НАУз. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 16. Л. 12). Позднее часть немцев-меннонитов из Хивинского ханства переселилась в Амударьинский отдел и в начале XX века на территорию Аулие-Атинского уезда (НАУз. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 5221. Л. 8-13).

В 1917 году на территории Аулие-Атинского уезда Сырдарьинской области было зарегистрировано 9 немецких поселений, а в Ташкентском уезде – 4 поселения (Материалы..., 1923: 23). К этому времени в городах и сельской местности Сырдарьинской области было учтено 6 103 представителя немецкой национальности (Материалы..., 1923: 43).

Численность немецкого населения в Туркестане постепенно росла, и если в конце XIX века она составляла около 3 800 человек, то к началу XX века достигла уже 8 500 человек. Более 5 тысяч из них проживали в городах, остальные – в сельских местностях. В частности, в Ташкенте было зарегистрировано 3 245 немцев, в Самарканде – 378, в Ашхабаде – 566 человек; представители данной национальности проживали практически во всех городах края (Иноятова, 2009: 137–138).

Немцы в Туркестане были широко представлены в системе административного управления. Наиболее известными представителями данной категории являлись четыре генерал-губернатора Туркестанского края: К.П. фон Кауфман (1867–1882), Н.О. Розенбах (1884–1889), Флуг (1913–1914), Ф.В. Мартсон (1914–1915), член Ташкентской городской думы М.Р. Келлер, военный губернатор Самаркандской области С.Д. Гескет и другие высокопоставленные чиновники немецкого происхождения (Гайсин, 2012: 71).

Немецкие поселения в Туркестане стали ведущими и наиболее эффективными хозяйствами в регионе, выступая своеобразной опорой для реализации колониальной политики Российской империи. Переселённые в Туркестан немцы занимали особое место в политической и социально-экономической жизни региона. Их вклад был заметен не только в военной и административной сферах, но и в сельском хозяйстве, промышленности, науке, культуре, образовании, медицине, музыке, торговле и других многочисленных отраслях, где они успешно взаимодействовали с местным мусульманским населением, достигая значительных результатов благодаря своему трудолюбию и организованности. После завоевания Российской империей Туркестана резко возросло также число татар среди переселенцев. Татары играли важную роль в торговых отношениях между государствами Центральной Азии и Российской империей. В 1865 году численность татар в Центральной Азии составляла около 5 тысяч человек. В период военных действий они прибывали в край в качестве офицеров, солдат и переводчиков. Татар можно было встретить как в старой, так и в новой частях Ташкента, особенно вблизи Анхора, около Бешагачских ворот, где сформировалась татарская махалля (ныне улица Туроб Тула). В 1871 году в Ташкенте проживало всего 98 татар, однако к 1897 году их количество увеличилось до 2 313 человек. Наиболее многочисленная татарская община в конце XIX века была зафиксирована в Наманганском уезде (6 670 человек). Также татары были зарегистрированы в Ашхабаде – 1 161 человек, в Туркестане – 513, в Аулие-Ате – 266, в Чимкенте – 120 человек, а также во всех остальных городах региона (Гайсин, 2012: 71). Татары были заняты не только в военном, административном и переводческом деле, но также в строительстве мечетей, на рынках, в торговле, скупке и продаже хлопка, коневодстве, маклерстве, строительных работах, кузнечном ремесле, ювелирном деле, портняжном деле, сапожном ремесле и других многочисленных сферах. Являясь представителями тюркского народа и мусульманами по вероисповеданию, татары принимали активное участие в просветительской деятельности в Туркестане. В конце XIX века в Ташкенте татары основали мечеть и медресе Марджани. В 1902 году в городе Каган была открыта первая татарская школа, в том же году в Ташкенте открылась школа муллы Нура Вахидова, а в 1904 году Сахибом Еникеевым был основан первый татарский национальный театр. В Туркестане была открыта типография, выпускавшая книги на татарском языке арабской графикой, понятной другим тюркским народам. В образовании татары сыграли ключевую роль в открытии школ нового типа и распространении европейской культуры среди мусульман Центральной Азии (Гайсин, 2012: 71).

Имперское правительство Российской империи стало рассматривать просветительскую деятельность татар в Туркестане как угрозу, способствующую распространению идей панисламизма и пантюркизма среди местного населения (Котюкова, 2016: 109). В результате некоторые права татар в крае были ограничены. В частности, согласно Положению 1886 года, татарам было запрещено владеть недвижимым имуществом в Туркестанском крае. Однако татары нашли обходные пути решения этой проблемы, формально регистрируя имущество на представителей других национальностей и продолжая вести хозяйственную деятельность нелегально (Гайсин, 2012: 71–72).

В целом, к 1917 году численность татар, переселившихся в Туркестан из районов Среднего Поволжья, Северного Урала, Западной Сибири и других территорий Российской империи, превысила 100 тысяч человек (Центральная Азия..., 2008: 231).

Миграционная политика, проводимая Российской империей в Туркестане, способствовала притоку не только большого числа военнослужащих и представителей других социальных слоёв, но также ремесленников, торговцев и квалифицированных специалистов различных отраслей. Этим воспользовались и представители европейских евреев, которые начали активно переселяться в Туркестан, обосновываясь преимущественно в промышленных и городских центрах. Среди евреев были предприниматели, промышленники, торговцы, медицинские работники, инженеры, юристы и специалисты других направлений (Центральная Азия..., 2008: 231). По данным на 1897 год, еврейское население в Коканде составляло 275 человек, в Маргилане – 186, в Намангане – 110, в Андижане – 97, в Ташкенте – 1719, в городе Туркестан – 498, а в Чимкенте – 202 человека. До российского завоевания местные евреи (бухарские евреи – Прим. авт.) проживали в Бухаре, Самарканде, Андижане, Ташкенте и других городах региона. Местное еврейское население с энтузиазмом встретило приход русских войск, поскольку это ослабило ранее существовавшие ограничения и позволило им наладить деловое сотрудничество с прибывшими единоверцами в области торговли и производства. К концу

XIX века местные и прибывшие евреи заняли важное место в экономике Центральной Азии. В отличие от местных евреев, среди переселенцев имелись представители юридической сферы, обладавшие глубокими профессиональными знаниями (Гайсин, 2012: 72).

Евреи, подобно ситуации в других регионах Российской империи, стремились сохранить свою идентичность, основывая еврейские образовательные учреждения. После российского завоевания в Туркестане были открыты еврейские начальные школы – хедеры, в которых молодёжи давалось начальное образование и религиозные основы иудаизма. В 1888 году в Туркестане функционировало 18 хедеров. К январю 1916 года только в одном Самарканде их число достигло 17, и в них обучались 676 еврейских детей (Турсунов, 1999: 61-62).

В период завоевания Туркестана Российской империей одним из народов, мигрировавших в край с Кавказа, были армяне. Основной поток армянских переселенцев в Туркестан исходил из районов Зангезура, Карабаха и Западной Армении. Их проникновение в центральные области Туркестана было обусловлено, прежде всего, строительством Красноводско-Самаркандской железной дороги. Новая власть предпочитала привлекать кавказских мастеров к возведению вокзалов, мостов, депо и каменных построек. Кроме того, армяне, хорошо владеющие тюркскими и персидским языками, были востребованы в качестве переводчиков. Также империю устраивало то, что армяне, как и русские, принадлежали к христианскому вероисповеданию (Германов, 2002: 33-34).

Несмотря на малочисленность армянской диаспоры в Туркестанском крае, её представители играли активную роль в местной экономической жизни. Здесь они открывали и владели ресторанами, магазинами, банками, ремесленными мастерскими, фабриками, банями, гостиницами и другими предприятиями. Имперское правительство в значительной степени поощряло миграцию армян в Туркестан, исходя из их христианской принадлежности (Назарян, 2007: 134).

Генерал-майор русской армии Б. Литвинов отмечал об армянах следующее: «...пришла русская армия, вслед за ней потянулись армяне... Они открыли лавки; военные продолжали прибывать... улучшились транспортные коммуникации, появились заводы, церкви, школы и... армяне, армяне и снова армяне. Армянские торговцы вытеснили татар из торговли, армянские портные вытеснили евреев, занимавшихся этим ремеслом; армяне стали продавцами, купцами, владельцами пивных лавок, одним словом, основали собственный армянский квартал» (Гайсин, 2012: 73).

Несмотря на небольшую численность, армяне заняли значимое место среди переселенцев в Туркестане. К 1917 году их количество только в Ташкенте составляло около 2500 человек (Материалы..., 1923: 44). Уже с момента своего переселения армяне начали активно открывать собственные национальные церкви и образовательные учреждения.

Говоря о народах европейского происхождения, переселённых в Туркестан, невозможно обойти вниманием поляков. Польские националисты, потерпев поражение в борьбе за независимость Польши в восстаниях 1831 и 1863 года, впоследствии прибывали в Туркестан уже в составе российской армии, против которой ранее воевали. Таким образом, переселение поляков в Туркестан связано с российским завоеванием края. Значительная часть поляков, прибывших в составе имперской армии, впоследствии оставалась жить на территории Туркестана. Здесь они становились военными чиновниками, врачами, юристами, предпринимателями, инженерами, высококвалифицированными рабочими и ремесленниками. К концу XIX века общая численность поляков в Туркестане достигла 11 597 человек. Около 90 % из них проживало в городах региона. Если в 1871 году в Ташкенте проживало всего 18 поляков, то к 1897 году их число достигло 2206 человек. Кроме того, в Ашхабаде насчитывалось 1605 поляков, в Маргилане – 727, в Андижане – 194, в Коканде – 215, в Намангане – 192 человека (Гайсин, 2012: 72), в Самарканде – 1097, в Каттакургане – 221, в Худжанде – 130 и в Джизаке – 83 поляка (Первая всеобщая..., 1905: 48).

Несмотря на то, что поляки пользовались уважением среди русских Туркестана, в конце XIX – начале XX века они начали активно объединяться с католическими церковными общинами немцев. Поляки проявляли значительное тяготение к немцам, вследствие чего межэтнические браки между поляками и немцами стали довольно распространённым явлением в Туркестане (Гайсин, 2012: 72-73). Ещё одна волна польской миграции в Туркестан наблюдалась в годы Первой мировой войны, когда в край были направлены военнопленные и беженцы из Царства Польского, начавшие здесь новую жизнь. Строительство римско-католического храма в Ташкенте также осуществлялось именно поляками, поэтому его иногда называли «польским костёлом» (Котюкова, 2016: 102). В целом, на территории современного Узбекистана сохранился ряд архитектурных и строительных объектов европейского типа, возведённых военнопленными и политическими беженцами периода Первой мировой войны.

Как отмечает Л.Р. Гайсин, после имперского завоевания, в начале XX века в Туркестан переселилось от 600 до 1000 греков. Греки представляли собой зажиточный и обеспеченный социальный слой, проживали преимущественно в Ташкенте и Самарканде, занимаясь торговлей и ремёслами, особенно выпечкой хлеба. Также в 1899 году братья Мандалаки основали крупную шёлкоткацкую фабрику в Ферганской долине (Гайсин, 2012: 73).

По данным Т.В. Котюковой, в Туркестане наблюдалось присутствие сотен подданных Великобритании, десятков представителей французов, итальянцев, чехов, австрийцев, шведов,

бельгийцев и голландцев, приезжавших в край в поисках прибыли и реализации различных проектов. Европейцы занимали ниши, которые были достаточно редкими в Туркестане того периода, работая в сфере услуг и различных специализированных направлениях. Например, французы занимались преподаванием (прежде всего французского языка), работали воспитателями детей и женщин, парикмахерами, в сфере ресторанного и гостиничного бизнеса. Шведы преимущественно трудились в часовых мастерских. Итальянцы специализировались на горно-тоннельных строительных работах, швейном (трикотажном) производстве и выпуске прохладительных напитков. Бельгийцы занимались инженерными работами и являлись представителями Ташкентского трамвайного акционерного общества. Англичане перерабатывали хлопок и шёлковое волокно, производили ткани и бумагу, использовали местные растения и корни в фармацевтической сфере, а также занимались добычей меди. Англичанин В. Перон неоднократно обращался к имперским властям с предложением создать в Туркестане сферу туризма и начать привлечение туристов в край, реализуя на практике свои идеи и тем самым положив начало развитию туризма в регионе (Котюкова, 2016: 97).

В конце XIX – начале XX века на территорию Туркестана активно прибывали многочисленные путешественники и исследователи из Европы. Только из Австро-Венгрии и Германии в регион прибыло свыше 30 известных представителей научного сообщества, а из Франции – более 20 учёных (Котюкова, 2016: 98-99).

5. Заключение

Таким образом, можно констатировать, что все переселенцы, представлявшие различные социальные слои и этнические группы, были направлены в Туркестан с целью реализации колониальной политики Российской империи. Тем не менее, со временем они начали осознавать специфику социальной среды края, особенности поведения и отношения коренного населения, а также несправедливость политики, проводимой имперскими властями. Значительная часть населения, прибывшая с разными целями и ожиданиями, постепенно адаптировалась к местным условиям и начала видеть своё будущее именно здесь. Это, в свою очередь, способствовало формированию новых трудовых отношений в Туркестане, ускорило этнодемографические процессы и создало основу для единого экономического и социально-культурного развития региона.

Мероприятия по выделению земель переселенцам, их размещению и распределению начались с приказа первого генерал-губернатора Туркестанского края К.П. фон Кауфмана и продолжались до 1917 года с учётом многочисленных изменений и новых регламентов. Безусловно, все этапы переселения были вызваны ухудшением социально-политической и экономической ситуации в центральных губерниях Российской империи, в результате чего переселенцы стремились обрести в Туркестане подходящие земельные наделы. Основная часть мигрантов, согласно данным исследований, прибыла из Воронежской, Смоленской, Саратовской, Орловской, Курской, Самарской, Пензенской, Киевской, Полтавской, Черниговской, Харьковской, Винницкой губерний; среди них были представители донских и оренбургских казаков, а также военные казаки из Урала и Сибири. Среди переселенцев встречались представители русских, украинцев, немцев, татар, армян, поляков, евреев, мордвы и марийцев, а также народов Поволжья и Урала. Кроме того, в Туркестане были зафиксированы сотни представителей английского населения, десятки французов, итальянцев, чехов, австрийцев, шведов, бельгийцев и голландцев, прибывавших сюда с коммерческими целями и в поисках прибыли. В результате переселения представителей данных народов в Туркестан сегодня возникла необходимость дальнейшего изучения их социальной истории.

Литература

Брежнева, 2018 – Брежнева С.Б. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX–XX вв. // *Вестник РУДН. Серия: история России*. М., 2018. Т. 17. № 3. С. 608-638.

Брусина, 2001 – Брусина О.И. Славяне в Средней Азии: этнические и социальные процессы (конец XIX – конец XX века). М., 2001. 27 с.

Гайсин, 2012 – Гайсин Л.Р. Этнический состав населения «новых частей» городов русского Туркестана // *Вестник Томского государственного университета*. Томск, 2012. № 354. С. 71-73.

Гаффоров, 2006 – Гаффоров Ш.С. История и судьба: переселенцы из Российской империи в Туркестан. Ташкент: Фан, 2006. 108 с.

Германов, 2002 – Германов В.Г. Армяне / Этнический атлас Узбекистана. Ташкент, 2002. С. 32-36.

Германов, 2009 – Германов В.Г. Хозяйственный уклад и образ жизни ссыльных уральских казаков-старообрядцев в Хорезмском оазисе на рубеже XIX–XX веков / Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации. Ташкент, 2009. С. 130-133.

Гинзбург, 1991 – Гинзбург А.И. Русское население в Туркестане. М., 1991. С. 21-40.

Иноятова, 2009 – Иноятова Д. Немецкая диаспора в экономике Туркестана / Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации. Ташкент, 2009. С. 137-140.

- Кауфман, 1905** – *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. Т. I. СПб., 1905.
- Котюкова, 2016** – *Котюкова Т.В.* Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М.: Росспэн, 2016.
- Материалы..., 1923** – Материалы всероссийских переписей 1920 года. Перепись населения в Туркестанской Республике. Часть I. Вып. III. Поселенные итоги Сыр-Дарьинской области. Ташкент: ЦСУ Туркестанской Республики, 1923.
- Мирзаева, Расулова, 2016** – *Мирзаева Н.Ж., Расулова М.А.* К вопросу о религиозном составе населения русских поселков в Голодной степи (начало XX века) / Исторические науки. М., 2016. С. 44-45.
- Миронов, 2014** – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. I. СПб., 2014.
- Московские ведомости, 1911** – *Московские ведомости.* 1911. 24 мая. № 106.
- НАУз** – Национальный архив Республики Узбекистан.
- Назарян, 2007** – *Назарян Р.Г.* Армяне Самарканда. М., 2007.
- Первая всеобщая..., 1905** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXXXIII. Самаркандская область. СПб., 1905. Табл. XIII.
- Пуговкина, 2018** – *Пуговкина О.Г.* Российская историография Туркестана: исторические воззрения современников. Ташкент: Академнашр, 2018.
- Равшанов, 2023** – *Равшанов Ш.Т.* Социальная история переселенцев из России в Туркестан в конце XIX – начале XX вв. // *Взгляд в прошлое, научный журнал.* Ташкент, 2023. С. 40-48.
- Равшанов, 2023а** – *Равшанов Ш.Т.* Этнический состав населения, переселенного в Туркестан из Российской империи // *Научный вестник СамГУ.* Самарканд, 2023. С. 102-108.
- Турсунов, 1999** – *Турсунов Б.* Отношение царских колонизаторов к образовательным нуждам малочисленных народов Туркестана (конец XIX – начало XX вв.) // *Общественные науки в Узбекистане.* Ташкент, 1999. № 1–2. С. 62-65.
- Центральная Азия..., 2008** – Центральная Азия в составе Российской империи. СПб.: Новое Литературное Обозрение, 2008.
- Цыряпкина, 2016** – *Цыряпкина Ю.Н.* Русские переселенцы в Туркестане в конце XIX – начале XX вв.: основные социокультурные характеристики // *Вестник Томского государственного университета.* Томск, 2016. № 411. С. 183-187.
- Чибров, 2014** – *Чибров И.В.* Русская колонизация Средней Азии во второй половине XIX – начале XX века // *Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения.* Саратов, 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 14-17.
- Шарова, 1940** – *Шарова П.Н.* Переселенческая политика царизма в Средней Азии // *Исторические записки.* М., 1940. № 8. С. 4-36.
- Шмачков, 1962** – *Шмачков П.А.* Крестьянское переселение в Туркестан (1867–1917 гг.): Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1962. С. 6-8.
- Этнический атлас..., 2002** – Этнический атлас Узбекистана. Ташкент, 2002.
- Sahadeo, 2007** – *Sahadeo J.* Russian colonial society in Tashkent, 1865-1923. Bloomington & Indianapolis. Indiana University Press, 2007. 110 p.

References

- Brezhneva, 2018** – *Brezhneva, S.B.* (2018). Otrazhenie idei akkul'turatsii v pereselencheskoi politike Rossiiskoi imperii v Turkestane na rubezhe XIX–XX vv. [Reflection of the idea of acculturation in the resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan at the turn of the XIX-XX centuries]. *Vestnik RUDN. Seriya: istoriya Rossii.* М. 17(3): 608-638. [in Russian]
- Brusina, 2001** – *Brusina, O.I.* (2001). Slavyane v Srednei Azii: etnicheskie i sotsial'nye protsessy (konets XIX – konets XX veka) [Slavs in Central Asia: ethnic and social processes (late 19th – late 20th centuries)]. М., 27 p. [in Russian]
- Chibrov, 2014** – *Chibrov, I.V.* (2014). Russkaya kolonizatsiya Srednei Azii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Russian colonization of Central Asia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya.* Saratov. 4(4): 14-17. [in Russian]
- Etnicheskii atlas..., 2002** – Этнический атлас Узбекистана [Ethnic atlas of Uzbekistan]. Tashkent, 2002. [in Russian]
- Gafforov, 2006** – *Gafforov, Sh.S.* (2006). Istoriya i sud'ba: pereselentsy iz Rossiiskoi imperii v Turkestan [History and Fate: Settlers from the Russian Empire to Turkestan]. Tashkent: Fan, 108 p. [in Russian]
- Gaisin, 2012** – *Gaisin, L.R.* (2012). Etnicheskii sostav naseleniya «novykh chastei» gorodov russkogo Turkestana [Ethnic composition of the population of the "new parts" of the cities of Russian Turkestan]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* Tomsk. 354: 71-73. [in Russian]
- Germanov, 2002** – *Germanov, V.G.* (2002). Armyane [Armenians]. Etnicheskii atlas Uzbekistana. Tashkent. Pp. 32-36. [in Russian]
- Germanov, 2009** – *Germanov, V.G.* (2009). Khozyaistvennyi uklad i obraz zhizni ssl'nykh ural'skikh kazakov-starobryadtsev v Khorezmskom oazise na rubezhe XIX–XX vekov [Economic structure and way of life of exiled ural old believer cossacks in the Khorezm oasis at the turn of the 19th and 20th centuries].

Sotsial'naya zhizn' narodov Tsentral'noi Azii v pervoi chetverti KhKh veka: traditsii i innovatsii. Tashkent. Pp. 130-133. [in Russian]

Ginzburg, 1991 – *Ginzburg, A.I.* (1991). Russkoe naselenie v Turkestane [Russian Population in Turkestan]. M. Pp. 21-40. [in Russian]

Inoyatova, 2009 – *Inoyatova, D.* (2009). Nemetskaya diaspora v ekonomike Turkestana [German diaspora in the economy of Turkestan]. Sotsial'naya zhizn' narodov Tsentral'noi Azii v pervoi chetverti XX veka: traditsii i innovatsii. Tashkent. Pp. 137-140. [in Russian]

Kaufman, 1905 – *Kaufman, A.A.* (1905). Pereselenie i kolonizatsiya [Resettlement and colonization]. T. I. SPb. [in Russian]

Kotyukova, 2016 – *Kotyukova, T.V.* (2016). Okraina na osobom polozenii... Turkestan v preddverii dramy [Outskirts in a special position... Turkestan on the eve of drama]. M.: Rosspen. [in Russian]

Materialy..., 1923 – Materialy vs Rossiiskikh perepisei 1920 goda. Perepis' naseleniya v Turkestanskoj Respublike. Chast' I [Materials of the All-Russian censuses of 1920. Population census in the Turkestan Republic. Part I]. Vyp. III. Poselennye itogi Syr-Dar'inskoi oblasti. Tashkent: TsSU Turkestanskoj Respubliki, 1923. [in Russian]

Mironov, 2014 – *Mironov, B.N.* (2014). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modern [Russian Empire: from tradition to modernity]. T. I. SPb. [in Russian]

Mirzaeva, Rasulova, 2016 – *Mirzaeva, N.Zh., Rasulova, M.A.* (2016). K voprosu o religioznom sostave naseleniya russkikh poselkov v Golodnoi stepi (nachalo XX veka) [To the issue of the religious composition of the population of Russian villages in the Hungry Steppe (early 20th century). Historical sciences]. Istoricheskie nauki. M. Pp. 44-45. [in Russian]

Moskovskie vedomosti, 1911 – *Moskovskie vedomosti.* 1911. 24 maya. № 106. [in Russian]

NAUZ – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Uzbekistan [National Archives of the Republic of Uzbekistan].

Nazaryan, 2007 – *Nazaryan, R.G.* (2007). Armyane Samarkanda [Armenians of Samarkand]. M. [in Russian]

Pervaya vseobshchaya..., 1905 – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [First general population census of the Russian Empire in 1897]. LXXXIII. Samarkand Region]. LXXXIII. Samarkandskaya oblast'. SPb., 1905. Tabl. XIII. [in Russian]

Pugovkina, 2018 – *Pugovkina, O.G.* (2018). Rossiiskaya istoriografiya Turkestana: istoricheskie vozzreniya sovremennikov [Russian historiography of Turkestan: historical views of contemporaries]. Tashkent: Akademyashr. [in Russian]

Ravshanov, 2023 – *Ravshanov, Sh.T.* (2023). Sotsial'naya istoriya pereselentsev iz Rossii v Turkestan v kontse XIX – nachale XX vv. [Social history of settlers from Russia to Turkestan in the late 19th – early 20th centuries]. *Vzglyad v proshloe, nauchnyi zhurnal.* Tashkent. Pp. 40-48. [in Russian]

Ravshanov, 2023a – *Ravshanov, Sh.T.* (2023). Etnicheskii sostav naseleniya, pereselennogo v Turkestan iz Rossiiskoi imperii [Ethnic composition of the population resettled in Turkestan from the Russian Empire]. *Nauchnyi vestnik SamGU.* Samarkand. Pp. 102-108. [in Russian]

Sahadeo, 2007 – *Sahadeo, J.* (2007). Russian colonial society in Tashkent, 1865-1923. Bloomington & Indianapolis. Indiana University Press, 110 p.

Sharova, 1940 – *Sharova, P.N.* (1940). Pereselencheskaya politika tsarizma v Srednei Azii [Migration Policy of Tsarism in Central Asia]. *Istoricheskie zapiski.* M. 8: 4-36. [in Russian]

Shmachkov, 1962 – *Shmachkov, P.A.* (1962). Krest'yanskoe pereselenie v Turkestan (1867–1917 gg.) [Peasant Migration to Turkestan (1867–1917)]: Avtoref. diss. kand. ist. nauk. M. Pp. 6-8. [in Russian]

Tsentral'naya Aziya..., 2008 – Tsentral'naya Aziya v sostave Rossiiskoi imperii [Central Asia as part of the Russian Empire]. SPb.: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2008. [in Russian]

Tsyryapkina, 2016 – *Tsyryapkina, Yu.N.* (2016). Russkie pereselentsy v Turkestane v kontse XIX – nachale XX vv.: osnovnye sotsiokul'turnye kharakteristiki [Russian settlers in Turkestan in the late 19th – early 20th centuries: main socio-cultural characteristics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* Tomsk. 411: 183-187. [in Russian]

Tursunov, 1999 – *Tursunov, B.* (1999). Otnoshenie tsarskikh kolonizatorov k obrazovatel'nym nuzhdam malochislennykh narodov Turkestana (konets XIX – nachalo XX vv.) [The attitude of the tsarist colonizers to the educational needs of the small peoples of Turkestan (late 19th – early 20th centuries)]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane.* Tashkent. № 1–2: 62-65. [in Russian]

Социальный и этнический состав населения, переселённого в Туркестан из Российской империи

Шербек Турсункулович Равшанов^а, Олимжон Жахонгирович Ирискулов^а,
Рустам Даниярович Юлдашев^а, Азизбек Амриддин угли Унгалов^{а, *}

^а Самаркандский государственный университет им. Шарафа Рашидова, Самарканд,
Республика Узбекистан

Аннотация. В результате постепенного завоевания территорий Центральной Азии Российской империей в конце XIX века были предприняты меры по переселению и расселению европейского населения из центральных и западных губерний империи на завоёванные территории. В миграционные процессы были вовлечены представители различных социальных слоёв, включая военных, крестьян, рабочих и представителей иных социальных групп. Кроме того, переселенческое население отличалось разнообразием этнического состава и включало представителей различных народов и национальностей. Переселенцы после прибытия в Туркестан были вынуждены приспосабливаться к незнакомым для них условиям: особенностям климата, взаимодействию и сотрудничеству с местным населением, различиям в религиозных воззрениях и специфике поливного земледелия. Представители разных национальностей и этнических групп были вынуждены налаживать контакты и сосуществовать с местными этносами. В настоящей статье проведён научный анализ данных о социально-этническом составе и особенностях образа жизни населения, переселённого в Туркестан из различных территорий Российской империи.

По результатам исследования установлено, что начиная с первых дней проникновения Российской империи в регион, под общим наименованием «русские» в Туркестан переселялись представители самых различных национальностей, этнических групп и конфессий. Несмотря на применение отдельных ограничительных мер в отношении представителей определённых национальностей и религиозных течений, тем не менее, в интересах империи и с целью смягчения напряжённости в центральных губерниях, различные этнические и конфессиональные группы переселялись в регион на системной основе.

Ключевые слова: Туркестан, Российская империя, Ташкент, К.П. фон Кауфман, русские, татары, казаки, немцы, поляки, переселенцы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: azizbek.ungalov11111@gmail.com (А.А. Унгалов),
sherbek.ravshanov111@mail.ru (Ш.Т. Равшанов), irisqulov2022@gmail.com (О.Ж. Ирискулов),
rustamyuldashev361978@gmail.com (Р.Д. Юлдашев)